

Игорь Маранин

ОТДАТЬ ШВАРТОВЫ

*Рассказы
с улыбкой*

Игорь Маранин

**Отдать швартовы.
Рассказы с улыбкой**

«Издательские решения»

Маранин И.

Отдать швартовы. Рассказы с улыбкой / И. Маранин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853070-8

Ни я, ни вы не знаем того языка, на котором судьба торгуется на базаре с нашим будущим. Может быть, его слышали моряки, что ходят на своих кораблях у обрыва миров или невозмутимые купцы с востока, торгующие по соседству ароматными пряностями, но только не мы. И когда у Судьбы недостаточно медных монет, случается то, чего никто из нас не ждёт. Например, мы становимся главными героями рассказов.

ISBN 978-5-44-853070-8

© Маранин И.
© Издательские решения

Содержание

ОТДАТЬ ШВАРТОВЫ	6
СИБИРСКИЙ ЛЕСНОЙ ЧАЙ	10
1	10
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Отдать швартовы Рассказы с улыбкой

Игорь Маранин

© Игорь Маранин, 2017

ISBN 978-5-4485-3070-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТДАТЬ ШВАРТОВЫ

Домики Нахаловки лепились так близко друг к другу, что можно было пройти от Сухарки до Чернышевского спуска, перепрыгивая с одной крыши на другую. Несмотря на тесноту, жители самовольно застроенной фавеллы умудрялись вести хозяйство, высаживать огороды и держать кур, коз и даже свиней. В общем...

...жили-были старик со старухой...

Старик – на вид худенький, морщинистый и седой. Словно мальчика-с-пальчика высушили на солнце и обмакнули головой в муку. Жена смотрелась выше его на целую голову, носила цветастые платья, а когда платья приходили в негодность – шила из них мужу рубашки.

До пенсии она работала уборщицей в речном порту: широкую улицу Владимировскую старуха называла «фарватером», а об умершем говорила «отдал швартовы». Детей у них не было – был старенький радиоприёмник, такой же хриплый и кашляющий как хозяин и сто тридцать лет воспоминаний на двоих. Ещё был сибирский кот, несколько кур в сарайке и свинья. Её-то...

...старик и зарезал в один из коротких и тощих октябрьских дней...

Свинья отдала швартовы безропотно, как буддист. Она всю жизнь прожила в крохотной сарайке и не подозревала об изломанных улочках, спускающихся к реке, мягкой зелёной траве, буйно растущей вдоль заборов и о том, что есть на свете существа, умеющие летать над головами и крышами.

Иногда с ней беседовал хозяин, вернувшись в подпитии от сторожа лодочной базы. Красноречием он не отличался и на слова был скуп.

– Эх, свинья, – печально вздыхал старик. – Жисть-то того... летит.

Под негромкое хрюканье собеседницы он допивал четушку, и шёл сдаваться жене. Из дома ещё долго доносились голоса: громко матерясь, они спорили о смысле жизни.

Старуха отличалась скупостью иного рода: она копила деньги на чёрный день. Но дни шли всё какие-то серые, недостаточного для траты денег оттенка.

– Может того... – время от времени заводил разговор муж. – Мотоцикл купим? К брату троюродному в деревню съездим?

– Вот дурень! – всплёскивала руками жена. – А чёрный день настанет, лапу сосать будешь?

Наконец, чёрный день настал: дом ограбили и все припрятанные старухой деньги унесли с собой.

Год после ограбления стал едва ли не самым счастливым: ели сытно, справили новую одежду, два раза выбрались в клуб железнодорожников и даже съездили в деревню к троюродному брату. Но затем жена вышла на пенсию и снова затянула пояса: теперь она копила на достойные похороны. Дни опять пошли серые, складываясь стопками листов отрывного календаря в такие же серые годы. Нутром старик чувствовал, что тратить деньги разумнее до смерти, чем после, но подходящих слов не находил и переубедить жену не мог.

В один из хмурых октябрьских дней он появился в сарайке с утра, был трезв и держал в руках не бутылку, а остро заточенный нож.

– Эх, свинья, – сочувственно прокашлял Старик. – Жисть-то того... пролетела.

Через мгновение освобожденная душа животного вылетела из туловища и, ничего не понимая, воспарила над крышей сарая. Нестерпимый солнечный свет ослепил её, и, сжавшись в комок от страха, она стала плотной и почти видимой. Поднимая и опуская крылья, через небесную бездну лениво двигалось чёрное существо с блестящим толстым клювом. Отчаянно завизжав, душа рванулась обратно, в привычный и уютный полумрак сарайки. Старик что-то почувствовал: разделявая тушу, он время от времени поднимал голову и прислушивался. Ему казалось, что под крышей кто-то жалобно хрюкает.

Закончив работу, он подошёл к жене и сообщил:

– Освеживал я. Дай три рубля.

Времена стояли легендарные: колобки по сусекам, правда, уже не оживали, но водка в магазине всё ещё стоила 2 рубля 87 копеек.

Просьба деда была законной, освященной древними традициями и долгими годами совместной жизни. Но, видно, скупость жены перешла всякие границы. Старуха поджала узкие губы и сухо спросила:

– За фарватер в винный собрался?

– Да, – заявил старик, считая себя в полном праве.

– Обойдётся, – буркнула жена: она твёрдо решила денег на пропой не выдавать.

– Дай три рубля! – ещё не веря в такое коварство, прокаркал дед. В корнях его родового дерева зашевелился пещерный житель, и забитая в сарайке свинья выросла до размеров мамонта, добытого на охоте. Старик оглянулся на крышку подпола, куда спустил разделанную тушу и неожиданно сорвался на фальцет:

– Дай! Три! Рубля!

В ответ старуха...

...молча скрутила фигу и ткнула ею в лицо мужа...

Неторопливо проплыв мимо, она отправилась к подруге, не желая вступать в перепалку. Возле сарайки старухе вдруг показалось, что кто-то за ней следит. То убиенная свинья, колыхаясь невидимым облаком, рассматривала сквозь щели двор. Она не понимала, что делать дальше. Раньше всё казалось таким простым: налили в корыто – ешь, не налили – страдай, а теперь тела не было и есть стало не во что.

Дед в это время беззвучно открывал и закрывал рот, словно проверяя, как работает вставная челюсть. Затем заметался по избе, снедаемый обидой, чуть не свалился в открытый подпол, и, наконец, остановившись у окна, выкрикнул:

– Ах, так?! Ну, возвернешься ты чичас в избу!

В запале он подумал, что бабка направилась во двор до ветру. Притащил из сеней толстую верёвку, влез на табурет и, перебросив бечеву через балку, соорудил петлю. Нет-нет, он вовсе не собирался отдать швартовы в один день со свиньёй! Он вообще не собрался умирать, тем более трезвым. Помимо петли вокруг шеи, верёвка была пропущена под мышками и скрыта пиджаком. Стоя на табурете, дед нетерпеливо ожидал возвращения бабки, но та всё не шла и не шла.

– Шоб ты в очко провалилась! – выругался он. – Три рубля пожалела. Ну чичас возвернёшься!

В это мгновение...

... скрипнули двери, и раздался шум в сенях...

Поспешно оттолкнув ногой табурет, старик повис на веревке. При внимательном взгляде у зрителя, конечно, возникли бы сомнения в достоверности сцены, но в Нахаловке станиславские не проживали. Там жил народ простой и большей частью малограмотный, и даже на бутылочных этикетках читал только заголовки.

– А-а-а-а-а! – раздался истошный женский крик.

Оказалось, это соседка зашла за какой-то своей надобностью и, увидав повесившегося, завопила от страха.

«Принесла нелёгкая», – чертыхнулся про себя повешенный. Висеть было неудобно – верёвка больно терла подмышки.

Отойдя от первого шока, женщина громко позвала хозяйку.

Не услышав ответа, она хотела уйти, но как на грех заметила таз с мясом. «Бес попутал», – говорила соседка позже. Воровато оглядевшись, она стала запихивать мясо в сумку. Пережитый ли шок тому виной или какая-то особая восприимчивость момента, но когда женщина в очередной раз подняла голову, то увидела свиную харю, наблюдавшую за ней через окно.

– Свят, свят, свят! – в ужасе перекрестилась женщина и, подхватив сумку, бросилась к выходу.

Но не успела добежать до двери, как услышала за спиной хриплый голос.

– Стой, стерва! – сердито сказал повешенный. – А ну положь, где взяла!

Стерва резко остановилась и, не смея повернуть головы, попятилась назад. Шаг, второй, третий... Она двигалась как сомнамбула задом наперёд, пока нога её не потеряла под собой опору, и женщина не рухнула с громким воплем в открытый подпол.

Старуха всё не шла и не шла. Слабые руки старика не в силах были подтянуться и освободить себя. Он то громко звал на помощь, то ругался с соседкой, то тихо матерился, болтаясь из стороны в сторону.

Вернулся с улицы кот, заглянул в открытый подпол, затем обнюхал стариковские ноги, висящие над головой и, убедившись, что в доме с его кошачьей точки зрения всё в порядке, жадно набросился на беспризорное мясо. Спустя целую вечность после очередных воплей послышались шаги и в дом вошел... участковый. В отличие от коренных жителей Нахаловки, привыкших к громким скандалам и разного рода воплям, ему по штату было положено ими интересоваться.

Увидев подвешенного к потолку хозяина, вошедший оторопел.

– Сними! – взмолился старик.

Милиционер заглянул в подпол и обнаружил там женщину сорока с небольшим лет со сломанной ногой. После чего сообщил, что он по этому поводу думает, подробно остановившись на генеалогическом древе старика. Но нож со стола всё-таки взял, табурет поставил и полез обрезать верёвку. Едва это ему удалось, как...

...обессиливший старик рухнул участковому на плечи, а оба они – с опрокинувшегося табурета прямиком в злосчастный подпол...

Хлипкая лестница, соединявшая глубокий погреб с домом под тяжестью двух тел, разлетелась в разные стороны. Один из обломков угодил в лоб соседке, отправив её в нокаут.

Когда она очнулась, то обнаружила рядом двух мужчин в недееспособном состоянии. Старик сломал руку, участковый – пару рёбер. Наверху по периметру лаза прохаживался разбуженный кот и что-то недовольно мурлыкал...

...Прошло восемь месяцев и один суд. Старик получил два года условно от государства и двадцать пять рублей от плачущей жены. Она боялась тюрьмы и теперь готова была на финансовые жертвы. Деньги пропили втроём – с участковым и сторожем лодочной базы. Участковый чуть не утонул в Оби и утверждал, что видел под водой свиную морду. Ему, конечно, никто не поверил.

Сама усопшая свинья с каждым месяцем становится всё смелее и смелее. В пасмурные дни она поднимается до самых облаков и путешествует вместе с ними над Нахаловкой. Но дальше улетать пока опасается, возвращаясь на ночь в родной двор. Она часто размышляет, как прекрасен и удивителен этот мир по сравнению с тёмной и грязной сарайкой, в которой провела свою жизнь.

СИБИРСКИЙ ЛЕСНОЙ ЧАЙ

1

Дядю Костю я запомнил высоким нескладным добряком с большой и немного виноватой улыбкой на лице. Есть такие люди, которые боятся доставить неудобство одним своим присутствием. Они искренне переживают, что подставили ногу под чей-нибудь каблук или неудачно стали у обочины, так что машина вынуждена была окатить их грязью из лужи. Они – те самые гвозди, которые Бог вбивает молотком в наш мир, когда мир начинает в очередной раз трещать и разваливаться. Дядю Костю Бог вбил в металлургический завод, прямо в доменную печь. Ничем в своей жизни: ни работой, ни внешностью, ни судьбой, ни временем появления на свет сибирский мастер по ремонту доменных печей не напоминал французского повара Люсьена Оливье, чьё имя благодарные потомки присвоили новогоднему салату. Тем не менее, было в их судьбах обстоятельство, сроднившее этих непохожих людей: оба унесли тайну кулинарных рецептов с собой в могилу. Люсьен Оливье – салата, а дядя Костя – сибирского лесного чая. Говорят, что повару-гастарбайтеру Люсьену сулили в России большие деньги за его секрет. Дяде Косте тоже предлагали двести восточных марок! Но оба они ответили отказом. Помощники Оливье воскресили его блюдо, потому что знали ингредиенты – им оставалось только экспериментировать. Ингредиенты чая дяди Кости стали известны мне недавно, и сейчас я расскажу вам о них, а вы уж экспериментируйте сами.

2

Жил-да-был в середине шестидесятых годов молодой человек по имени Яша.

– Я работаю во сне, – говорил Яша. – И получаю за свои сны деньги. Учитесь, молодёжь.

Он действительно работал во сне, раз в трое суток, сторожем на овощебазе. Когда на исходе лета он просыпался в конце рабочего и начале светового дня, то открывал окно и в помещение на окраине города врывался мягкий августовский туман. Стояла такая тишина, что казалось задремал сам Всевышний... Яша поудобнее устраивался с кружкой горячего чая за столом и писал письма. По национальности он был немцем и переписывался с гражданами дружественной Германской Демократической республики. Словно Толстой «Войну и мир», он переписывал письма по восемь раз, поправляя каждый умляют над головами немецких букв. Если бы проводился чемпионат по художественной переписке, то Яша победил бы за явным преимуществом. Ни сочинения зачинателя жанра Эпикура, прославившегося посланиями к Менекею, ни одно из шестидесяти пяти писем Джонатана Свифта к Эстер Джонсон, ни карамзинские «Письма русского путешественника» не годились творениям неизвестного миру сторожа овощебазы даже в постскриптумы. Образы в его посланиях получались выпуклыми и объёмными, как в 3D-кино. И когда немцы читали эти послания в своих чистеньких игрушечных домиках, то над клеточками листов, вырванных из тетради, вырастали корабельные сосны, пробивая верхушками потолки комнат, в синих волнах чернил, вытекших ровной строкой из перьевой ручки, плескались осетры и стерлядь, а на мягких стигах страниц спали утомлённые кострами и походами туристы-таёжники. Язык Яши был сочным, литературным, на таком в Германии последний раз разговаривал Гёте, и потому у немцев от восторга округлялись глаза. Они решили ехать в Сибирь.

Узнав об этом, Яша пришёл в ужас. За свои тридцать с небольшим лет за городом он бывал три или четыре раза, когда филфак института вывозили на сбор турнепса. Он даже в армии не служил из-за своих минус восьми диоптрий и толстых круглых стёкол, закрывших глаза ещё в пятом классе. Корабельную сосну он в последний раз видел на пятьдесят второй странице приключенческого романа. Пухленький как колобок, в узких светлых брючках, с галстуком, стекающим на круглый животик по разноцветью луга-рубашки, с пышной шевелюрой кудрявых волос и квадратными очками в роговой оправе, закрывающими половину лица – все свои письма про походы в тайгу он просто выдумывал. Но у Яши были друзья, а среди друзей – мастер по ремонту доменных печей Константин и обладатель моторной лодки рыбак Григорий.

– Немцы обязательно попросят отвезти их в лес! – срываясь на фальцет, заявил Яша Косте.

– Немцы потребуют осетров и туристов-таёжников! – чуть не плача, пожаловался он Грише.

– Выручайте!! – взмолился Яша, падая на колени под тяжестью ящика водки.

Это был русский немец, он умел убеждать.

Разработка плана операции под кодовым названием «Бибиха» заняла три дня. За Бибихой – посёлком на берегу Оби – было решено устроить недельный палаточный отдых. Костя и Гриша обеспечивали моторные лодки, палатки и рыболовные снасти, Яша закупал продукты и бензин.

– Всё будет на высшем уровне, – заверил Гриша. – Разве может их Германия сравниться с нашей Бибихой?

Он вырос в лесу и мог поймать рыбу голыми руками, но предпочитал бредень и закидушки. Десять лет его ловил Рыбнадзор, но удача раз за разом отворачивалась от Рыбнад-

зора. Гриша мастерил мебель, строил избы и клал печи. Наконец, он разговаривал по-немецки и умел готовить настоящую сибирскую уху.

Немцы прилетели на самолёте, были погружены в такси и отвезены из аэропорта на берег Оби. Там их, не дав переодеться и посмотреть город, загрузили в моторную лодку и увезли по реке на север. Со стороны это было похоже на тщательно спланированное похищение. Шли на трёх моторках, тяжёло гружённых снедью, людьми и собаками. Одну лодку вёл Гриша, другую – его жена, третью – Костя.

– Посмотрите, какая река! – кричал Гриша, сближаясь с лодкой, на которой везли немцев. – Разве в Германии вы по такой реке поплывёте? Нет там таких рек!

Заботливо укутанные в долгополые брезентовые плащи поверх костюмов немцы сидели на дне лодки, прижавшись друг к другу и боязливо крутили головами по сторонам. Когда правый берег Оби вырос до размеров девятиэтажного дома, на крыше которого шумел, покачиваясь сосновый бор, из их глоток вырвался восторженный возглас людей, своими глазами увидевших чудо. Почвы в этих местах песчаные, и берег был жёлто-зелёным, словно стена замка, построенного из песка и поросшая кустарником. Но место, выбранное для отдыха, оказалось низким, с небольшой песчаной отмелью-пляжем, островом напротив и протокой, где можно поставить сети и рыбачить на закидушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.